

«Тело Христово примите...»

Музыка как благодарение Богу

Священник Сергей Голев – настоятель одного из храмов Домодедовского благочиния, но многим он известен прежде всего как регент Хора духовенства Московской епархии. Специально для номера газеты «Добрый пастырь», посвящённого Таинству Литургии, отец Сергей согласился дать интервью.

- Отец Сергей, чеховские читатели знакомы с одной из особо памятных страниц истории хора – его участием в поездке Святейшего Патриарха Кирилла на Кубу в 2016 году («ДП» № 3, 2016 г). Хотелось бы узнать, по какой личной стезе вы пришли к руководству этим коллективом.

- Здесь не было крутых виражей. Я пел в Хоре духовенства, когда им руководил иеромонах Константин (Островский) – ныне епископ Зарайский. После избрания его во епископа и назначения на должность ректора Коломенской Духовной семинарии он рекомендовал меня в качестве своего преемника, и я продолжил начатое им дело, получив на то благословение митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. В хорошей церковной традиции – не отказываться от возлагаемого на тебя послушания, а напротив, принять его как волю Божию и трудиться с максимальным приложением сил. Этому и стараюсь следовать.

- Где вы получили музыкальное образование?

- Я окончил Московскую Государственную консерваторию им. П.И.Чайковского, затем - аспирантуру по классу фортепиано.

- То есть вы видели себя музыкантом? Что же тогда привело вас к священству?

- Священником я хотел стать уже с детства, буквально с того момента, когда впервые пришёл в храм - мне было тогда лет десять. Мы воцерковлялись всей семьёй: вместе с отцом крестились, исповедовались, причащались. Потом приняла крещение мама, потом родители повенчались. Отец оставил свою работу в институте судебной психиатрии имени Сербского и принял священнический сан. А я был рукоположен во диакона во время учёбы на втором курсе консерватории, в 19 лет.

- Значит, то, что вас называют потомственным священником, - это не совсем верно?

- Потомственный я москвич – в четвёртом поколении. А в 1997 году, когда папу назначили сюда, в Колычёво, поднимать старинный разрушенный храм Воскресения Словущего, мы всей семьёй перебрались в деревню. Четыре года жили в строительном вагончике. Я тогда учился в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории – приходилось ездить почти каждый день в Москву. Но отец восстанавливал храм, и я не мог остаться в стороне. Мы с мамой пели на клиросе, я алтарничал. Конечно, никто не предполагал, что мне придётся сменить его именно здесь. И конечно, ощущение того, что это *мой* храм, мой родной дом, здесь всегда присутствует.

- Теперь вам также приходится регулярно отсюда ездить – на репетиции. И уже не в Москву, а гораздо дальше – в Коломну.

- И не только мне: основу хора составляют миряне и действующие священники епархии, в первоочередную задачу которых входит исполнение пастырских обязанностей – настоятельских, преподавательских, катехизаторских и прочих. А Московская епархия весьма обширна, и чтобы приехать на репетицию из Дмитровского, скажем, района, люди преодолевают расстояния туда и обратно почти в 500 километров! Причём, чтобы высвободить день для поездки, им приходится уплотнить рабочий график у себя в храме, на приходе, в своей семье. Безусловно, это абсолютные добровольцы, истинные подвижники!

- Какое музыкальное образование у ваших хористов?

- Разное – от регентского до никакого. Есть такие, кто даже не знаком с нотной грамотой, но это настоящие самородки! Мне кажется, что такие таланты есть только в России.

- Какова основная задача хора – участие в богослужениях или выступления с концертными программами?

- Статус хора определён в Положении, разработанном ещё в 2009 году епископом Константином по благословению владыки Ювеналия. Мы участвуем и в торжественных архиерейских богослужениях, и в важных церковно-общественных мероприятиях – таких, как приезд Святейшего патриарха в Московскую епархию, богослужения в Московском Кремле, традиционный праздник, посвящённый Дню славянской письменности и культуры. К моменту моего назначения регентом речь шла всего о нескольких выступлениях в год. Но потом произошло реформирование регламента нашей деятельности, мы стали работать интенсивнее. В этом смысле показателем 2015-й год, когда в нашем рабочем календаре было отмечено 160 встреч – это репетиции,

выступления, участие в службах, запись альбома, который мы посвятили 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира. Вдумайтесь: 160 встреч – почти половина года!

- Нагрузка для профессионального коллектива. Чем мотивируется такая самоотдача? Просто моральным удовлетворением? Или хотя бы дополнительными днями к отпуску?

- Я бы поменял акценты: да, именно моральным удовлетворением! Скажите, многие ли могут похвастаться тем, что дело, которым они занимаются, доставляет им моральное удовлетворение? Поверьте, это дорогая плата! И это хорошая база, на которую человек может опираться в дальнейшем саморазвитии. Что же касается дополнительного отпуска, то здесь всё с точностью до наоборот. Многие участники хора, особенно солисты, стараются подгадывать свои отпуска, согласуясь с графиком выступлений. Не единичный случай, когда в авральной ситуации люди урезают свой отпуск или вообще отказываются от него. Невольник не богомольник, и он же – не певец. У нас коллектив не наёмников – это коллектив братьев, детей митрополита. Я этим очень дорожу.

- В практике хора присутствует такая форма работы, как «домашние задания»?

- Обычно я прошу дома послушать – разные произведения, в том числе и светские. Это стимулирует рождение новых идей и даже проектов. Например, сейчас готовим программу, куда входят арии из русских опер – подчеркну – без инструментального сопровождения. Понятно, что для этого мы должны изучить первоисточники, разные манеры исполнения – и только потом адаптировать их к своим задачам и возможностям.

- А как вы формируете репертуар? Вы это делаете самостоятельно или подчиняясь диктату священноначалия?

- Я очень счастливый человек. Каждый участник нашего хора – это соратник, в том числе и в деле формирования репертуара. Огромная радость для регента, когда кто-то из собратьев приходит на репетицию со словами: «Вы знаете, я такое нашёл! Нам обязательно надо это исполнить!» И я порой смотрю на эту находку и понимаю, что она и не совсем вписывается в тематику или жанровую направленность предстоящих выступлений, и что она потребует колоссального количества времени, что мы просто в ней закопаемся – но я за неё берусь, потому что горящие глаза – это уже 75% успеха! И пусть эта вещь пока останется в пассивном запасе, я знаю, что рано или поздно она обязательно «выстрелит». Повторюсь: я счастливый человек, потому что в моём

послушании никакого диктата нет. Да, безусловно, мы согласовываем с владыкой Ювеналием репертуар, при этом я всегда чувствую его живое участие и неподдельный интерес. Когда он спрашивает, по силам ли хору то или иное произведение, мы непременно стараемся его сделать и делаем – всем на радость.

- Отец Сергей, Хор духовенства Московское епархии хорошо известен не только в Подмосковье, но и за рубежом. Пополняется ли ваш репертуар во время зарубежных поездок музыкальным наследием той страны, куда вы приезжаете?

- Наоборот. Обычно мы, готовя программу выступления, включаем в неё в качестве комплимента произведение, популярное в принимающей стране. На Кубе, например, участвуя в Первосвятительском визите, исполнили Гимн Кубинской республики на испанском языке. И народную песню, любимую во всём мире, - «Гуантанамера».

- А найдутся ли у вас слова для комплимента в адрес своих товарищей из Чеховского благочиния?

- Да, и от всего сердца! Чеховские участники хора – одни из самых сознательных и верных сподвижников. Доброго чувства достойны, конечно, все участники хора, из всех благочиний, но уж так сложилось, что чеховцы стояли у истоков создания хора, поддерживали с самого начала и отца Константина, и затем меня, приложили немало сил к тому, чтобы хор сформировался. В них сочетаются и добросовестность, и талант – таков, например, священник Анатолий Трушин – великолепный аранжировщик, композитор, автор ряда переложений для хора.

- У каждого любительского коллектива есть предел, выше которого подняться невозможно. Как вы оцениваете уровень хора на сегодняшний момент?

- Мы только в самом начале. У участников хора колоссальный потенциал! Есть много проектов, в которых хочется принять участие. Просто не всегда хватает времени: всё-таки пастырские обязанности превыше всего.

- Возможны ли (хотя бы гипотетически) в вашем репертуаре такие современные направления, как рок, джаз, фолк, эстрада? Или вы для них закрыты?

- В хоре есть люди с очень широкими музыкальными пристрастиями. Популярные мелодии мы исполняем нередко, и при их подготовке никакие знания не бывают лишними. Например, готовясь к поездке во Францию, мы много слушали Шарля Азнавура, Мирей Матье. Другое дело, что «не всё нам полезно». В молодости я, как и многие, «переболел» песнями групп «Битлз», «Пинк Флойд», «Лед Зеплин», сейчас мне

стал нравиться джаз, к которому прежде я был равнодушен. С удовольствием слушаю Эллу Фицджеральд, Рэя Чарльза. Что же касается музыки нашего времени, то, к сожалению, не нахожу в ней мелодики и гармонии – того, что как музыкант ценю очень высоко.

- А как вы относитесь к современным авторам церковной музыки?

- В наше время новаторство захлестывает все сферы деятельности – не всегда удаётся избежать этой участи и церковному искусству. Эксперименты современных авторов в области церковной музыки порой вызывают недоумение. Авторы сосредотачиваются не на сути, а на ремесле как таковом (хотя, бесспорно, достигая в этом направлении определённых высот). Утешением служит, мне кажется, то, что музыка, написанная для богослужения, даже не самая удачная, сама по себе освящается молитвенным текстом, и поэтому на человека, впервые пришедшего в храм, уже способна оказать глубочайшее воздействие. Тем самым она выполняет свою катехизаторскую функцию. Человеку же, просвещённому в Церкви, экспериментальную музыку, возможно, будет некомфортно слушать. Но слава Богу, крайности встречаются редко. Всё-таки вкус у людей, связанных с Церковью, развивается.

- А какова ваша позиция в давнем споре сторонников знаменного и партесного пения?

- И то, и другое оказывает колоссальное воздействие на молящихся. Богослужение с пением знаменным распевом, конечно, требует большего внимания. В нём сложнее и звукоизвлечение, и звукоподача, и дыхание. Это большой труд. Но кто больше потрудится, тот и больше получит. А недавно мы сопровождали Литургию в Успенском соборе Московского Кремля праздничным пением, после чего ко мне подошли монахи из Болгарии (там не широко применяется партесное пение) и горячо благодарили за вдохновенную, как они выразились, службу. Есть и такая традиция – её активно развивал покойный архимандрит Матфей (Мормыль), будучи главным регентом Свято-Троицкой Сергиевой лавры: во время богослужения он мог посреди партесного пения вставить стихирю знаменного распева. И это всегда было как откровение, просто захватывало дух.

- Отец Сергей, а кто поёт в храме, где вы являетесь настоятелем?

- У нас самый обыкновенный клирос – типичный для сельских храмов. Поют сами прихожане – те, кто имеет к церковному пению интерес, кто приходит не от скуки, не от избытка свободного времени, а напротив, вопреки занятости, исключительно из желания быть причастным к богослужению.

- Вы не подавляете их своим высоким профессионализмом?

- Не знаю. Во всяком случае, стараюсь этого не делать. Знаю, насколько тяжело организовать хор на приходе, и я этим людям очень благодарен. Моя главная задача на приходе – не добиться чёткости многоголосия, а провести службу от начала до конца в спокойном расположении духа. Умиротворённо. Ради Бога.

- На многих приходах сейчас широко внедряется общенародное пение во время богослужений. Вы используете его в своей богослужебной практике?

- Да, и активно. У нас практически весь Евхаристический канон – главная часть Литургии - поётся народом, всеми молящимися. Даже шире – от Символа веры до «Отче наш». По моим наблюдениям, люди делают это с удовольствием, это помогает им ощущать свою соборность.

- А есть богослужения, которые лично вам наиболее близки?

- Я люблю службу Божию целиком, каждую её часть. И в пасхальном тропаре, и ирмосах великопостного покаянного канона – несмотря на их разную тональность – везде присутствует часть моего сердца, везде есть то, что привлекало меня к Церкви в тот или иной период жизни. И это всё запечатлелось навсегда. Есть традиция особого сосредоточения в наиболее важных моментах богослужений – скажем, в момент Евхаристического канона, но разве есть в молитве слова *неважные*? Каждое из них очень дорого.

- Отец Сергей, от лица всех читателей газеты «Добрый пастырь» хочу сердечно поблагодарить вас за обстоятельный, искренний разговор.

- Я был рад поддержать ваше стремление рассказать о церковных Таинствах. Ведь можно было сказать: что здесь нового? Но дело в том, что в храмы приходят новые люди, ещё незнакомые с традициями Церкви. Да и из них подавляющее большинство приходят только по воскресеньям. Эти люди нуждаются в просвещении! Хорошо, что вы рассказываете о Таинствах с разных сторон, не просто раскрывая структуру богослужения, но и показывая его через восприятие священника, прихожанина. Служба – она живая. Живая всегда, как Христос. И счастлив, кто хотя бы к её краешку прикоснулся.

Беседовала Наталья Мотина

